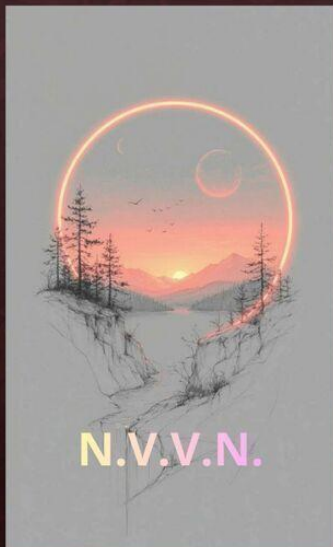

18+

Андрей Сутоцкий

книга
СТИХОВ

Андрей Сутоцкий

N.V.V.N. Книга стихов

<https://litres.ru/73552748>

ISBN 9785006920477

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Никогда не берусь за стихи без желания увидеть и прочувствовать, так как вдохновение — это стопроцентная концентрация внимания. В стихах размышляю, рисую, отдыхаю, перемещаюсь в пространстве и времени. Созданное не отношу ни к какому стилю и ни к какому жанру, поскольку поэзия — категория высших чувств. Данную книгу составляют стихи 20-х годов».

Содержание

ГОЛОВОЛОМКА	6
ВЫХОД	8
О ПОЭЗИИ	10
ГЛАЗАМИ ПТИЦ	12
ВРЕМЯ РЫЖЕГО ЦВЕТА	14
КАК БУДТО БЫ ВСЁ ПОНЯТНО	17
ОГОНЬ СПАСАЮЩИХ ИДЕЙ	19
ЧТОБ ШУМ ПЕРЕШЁЛ В ПОКОЙ	21
Г'ART NOUVEAU*	23
КОРИДОРЫ КЛИНИК	25
НЕМНОЖКО О ДУШЕ	27
СИМФОНИЕТТА НОЯБРЯ	29
ФОРМОНОИД	31
...НО Я СКАЖУ СТИХАМИ	33
В ОБЩЕЙ МАССЕ	35
АДАПТЕРЫ ЖИЗНИ	37
ПОРТРЕТ ВОЖДЯ	39
ВСЁ ГЛУБЖЕ НОЧЬ, ВСЁ ГУЩЕ ЛЕС	41
«Безмерно активировались крысы...»	44
ПРИ ДЕФИЦИТЕ ОСОЗНАНИЯ	46
ПРОЩАЙ, МОЙ СУМЕРЕЧНЫЙ ГОРОД	48
ИСИХАСТ	50
«Не суетись, повергнутый герой...»	52

ГДЕ МЫ ВЧЕРА УМРЁМ	53
ДВА ВЫВОДА	55
ПИТЕР, НОЧЬ, ПЕРО, БУМАГА	58
СТИХИ ЧИТАЮТ ВСЛУХ	61
РАДОСТЬ	63
...И КРОШКИ СО СТОЛА	65
ПРОЩАЮ	67
СПУСКАЙСЯ, СЛЫШИШЬ...	68
DISCOVERY	70
ТЫ	72
Я НИКОМУ НЕ ДОЛЖЕН	73
...И ДОЖДИК ЗА ОКНОМ	75
ЗАМОК	77
РЫБАК ЭРНЕСТО	79
КРОЛИКОВОДСТВО	81
БЕЛЫЕ ПИСЬМА	84
БЕССМЕРТНАЯ СОВЕСТЬ	85
ЕЛЬ	87
В ОДНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ	89
СКВОЗНЯКИ	91
ОХОТНИК ПАУЛЬ	93
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

N.V.V.N.
Книга стихов

**Андрей Михайлович
Сутоцкий**

Дизайнер обложки Андрей Михайлович Сутоцкий

© Андрей Михайлович Сутоцкий, 2026

© Андрей Михайлович Сутоцкий, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-2047-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГОЛОВОЛОМКА

Как выбраться из подчинения серых будней,
Забыть всё, что с нами творилось в минус,
Себя осмеять, обесточить себя прилюдно,
Хотя б попытаться найти этот самый вирус?..
Но что же мешает?.. Мешают замки и клетки,
Которыми стали мы все... Но по нашей ли воле?
Ах, что же так радостно, право, смеются дети
Среди васильков в напряжённо молчащем поле?
Да знали бы дети, что жизнь прошагать — другое —
В секунду слетел бы с их лиц золотой румянец.
Не может быть счастья средь долгих костров агоний.
Не держится как-то на боли гламурный глянecь.
Бесщадная мука — забвенье. Не помнит память
Прозренье одних и других, воздающих цифре.
Discovery наше нестойко — «ищите в спаме»...
И чувству опять не успеть за звездой отзывной.
Какая же мука — будить в себе высшие центры,
Покоя душе не давать, уводить от топи!..
Но вязнут желанья прозреть. Полтора процента
Не вытащат душу на свет. Так куда же топать?..
Как выбраться из подчинения серых будней?..
В какие ещё нам забраться цветные дали?..
По совести жить, говорите?.. По совести — трудно...

Других ориентиров нам боги пока не дали.

ВЫХОД

Крадётся вечер кошкою
По травке по некошеной,
По деревенским улочкам...
А то шажком прогулочным
Пройдётся, померещится...
В реке плотвица плещется...
Над ней туман вздымается,
Лениво поднимается...
Заката взгляд внимательный
Исполнен математики...
Не ранее двенадцати
Закроются глаза.
И время есть на шёпоты:
«Хочу сказать...», «Да шёл бы ты...»
А зубки так и клацают:
Секунда — и буза.
Давай, от делать нечего,
Не будем портить вечера
И что-нибудь придумаем...
Не всё ходить придурками...
Но скудная фантазия
Бедна до безобразия.
В картишки перекинемся?..
Пополним книгу Гиннесса?..

А может, как два зайчика,
Замрём пред сериальчиком?..
Иль нет — на печь завалимся
И по щелчку уснём.
А вечер всё сгущается
И... в ночь превращается.
Надену шубу, валенки
И, времени назло,
Пойду чудить вприсядочку,
Топтать клубничну грядочку...
Тоска по беспорядочку.
А то ни то ни сё...

О ПОЭЗИИ

Пишу стихи — читаю прозу, —
Она поэзии полна...
Серьёзно или несерьёзно —
Никто не знает, что она,
Вообще сказать, — не существует,
Поскольку всякий индивид
Её по-своему трактует
И, соответственно, творит.
Для древних греков — это слово,
Для Ренессанса — дух и ритм...
Так, чёрт возьми, тогда какого
Твой взгляд мне голову дурит!?...
По мне, так лишь бы нерв цепляли,
Будили чувства и влекли...
Не надо мне твоей морали,
Метафор мартовской мозгли,
Концептуальности заумной,
Неологизмов и лексем...
И без того мой яр Везувий
И сбалансирован, меж тем.
О да, куда уж мне, конечно!..
И обхожу я ваш бомонд,
Спеша к руинам и скворешням,
Как биполярный симбионт.

Пишу стихи — читаю прозу:
Такой занятный парадокс.
Не всё вертеть под носом розу,
Благоуханный нюхать флокс;
Внимать поэтам чувства ради
И иссушаться до костей...
Ревнивой стопкою тетради
Не льнут к перу чужих гостей.
Ни стихотворцы, ни поэты,
Ни рифмачи, ни прочий сброд
Нас не проймают, коль искры нет и...
Скорей всего — наоборот.
Так не зудите, теоретик,
Над ухом мне, как майский шмель!..
Помехой, смею я заметить,
Вы мне являетесь досель.

ГЛАЗАМИ ПТИЦ

Удивлённые птицы глядят и недоумевают:

Как же люди вольны, что прицельно друг в друга стреляют!..

Устилают телами убитых поля и дороги,
Чтоб в снегах не завязли бойцов уцелевшие ноги.

По костям этих трупов ползут боевые машины,
Раскатав, пропустив в мясорубке их мёрзлые спины,
Отбивая землянки у тех, кто вконец обезумел,
Превратив заточённых в зашивленных высохших мумий.

Удивлённые птицы глядят и недоумевают:

Как же люди больны, что в пути равновесья не знают

И опять, то и дело, послушно ложатся под пули,

Не вдаваясь в детали — кого и зачем обманули.

В укороченных сроках летят быстротечные судьбы:

Только жизнь начиналась, возникли продажные судьи

И решили за всех — кому сколько отмерить годочков...

Потому как последнее слово за судьями. Точка.

Здесь играют в рулетку, здесь держат вниманье столешни...

Миллиард на кону! Ну а мы тут про неуцелевших...

Люди — пешки на этой доске, что под властью двух зол.

В глаз вдавилось пенсне, отутюжен камзол...

Хиросима, Освенцим, Хатынь, снова кровь на мечях,

Неостывшие жизни, что с болью сгорают в печах
И контрастом — улыбки довольных игрою господ...
И плевать им, смеются, сколь пущено жизнью в расход.
Удивлённые птицы глядят и недоумевают:
Почему даже их эти люди земли убивают,
Друг пред другом трофеями страсти хвалятся
И, как есть, ничего-ничего-ничего не боятся.
Гуманизм? Где он, боги?.. О тех ли вы, право?..
Сколько зла в этом мире, позвольте, и слева и справа...
Кабы знать, где проходит граница — все линии стёрты...
Пожалейте детей, не воскресших назавтра из мёртвых.

ВРЕМЯ РЫЖЕГО ЦВЕТА

(увертюра)

В пестрокружии дней осенних
Размывает дождями путь
В непроглядное пробужденье, —
Хоть одним бы глазком взглянуть...
Затянуло туманом крыши,
Обращая дома в коллаж.
Порыжела природа. Рыжий —
Нынче в моде. Противно аж.
Выйти к солнцу по запасному —
Безрассудство из мира грёз.
Монотонно, как в книгах Сноу,
Шестерёнкою на износ
Проворачивается, ржавея,
Стылый день, а за ним — ноябрь...
Поживей бы чуток, поживее!..
На улыбку ещё хотя б...
В скорых сумерках свет фонарный
От аптек до аптек ведёт
Погрустневший народ попарно
Глупоглазых афиш в обход.
Где ж та даль, о которой разум

Так уверенно вёл строку?..
Да, мне хочется всё и сразу
И желательно на скаку.
Как давно я читаю осень
В переходах сезонных глав...
Но опять залетели осы
В провороненный дух дубрав...
Но опять на холодных тропах
Поздний гриб превзошёл цветок...
Может, стоит читать подробно,
Соблюдая и темп и слог?..
И тогда разомкнутся судьбы
Повторяющихся надежд?..
Объясни же мне, мой заступник,
Возвращенье зимы, утешь...
Эхо тонет в просторных залах
Заведений, где продавцы
Цены лета в отчёт списали,
Приготовились, шустрецы...
Приздумались бизнесмены —
Как содрать им своё с зимы...
А зима не спешит на смену...
Вместе с ней не спешим и мы.
Ну же, плюсик, пусть даже малый,
Дату проигрыша отсрочь!..
Силы убыли, понимаю...
Встречу снегу готовит ночь.
Этим дням, уходящим в завтра,
Декорации — не менять.

Увертюра. Да нет азарта
Мне её начинать играть.

КАК БУДТО БЫ ВСЁ ПОНЯТНО

Когда обжигает болезни дыханье,
А стылые дни на улыбку скупы —
Дразнят секунд-хенды чудес пожинаньем...
«Зачем тебе это?.. — внушает жена мне. —
Бульварные страсти безумной толпы».

Становится тайна расхожей картиной,
Где замки на сером пугливо тихи;
А время шипит... граммофоном родимым,
А в парке оркестр создаёт каватину...
И всё бы неплохо, да люди глухи.

Когда наплывает болезнь, начинает
Казаться, что жить в этом мире легко:
Транзитное время, отбытое нами,
Не властно над осведомлённым сознанием —
Его ль напугаешь бряцаньем оков...

И вот, осознав суть своих изысканий,
Изрядно болея в промозглой поре,
Я всякую фальшь на земле допускаю,

Её я давно сквозь себя пропускаю —
Единственный способ вообще не стареть.

И это не новость. Но всё же, но всё же
Открытое кем-то — ещё не твоё.
В нехитром ваянье, в аккордах несложных
Простые решенья таятся, возможно...
Но... —
осень, болезни, печали и... дрём.

ОГОНЬ СПАСАЮЩИХ ИДЕЙ

Смотрю, тут грязи под столом...
И всё такое не такое...
Всё чаще думаю — на кой мне
«макулатур маталлолом»?..
А мне бы что-то для души
Вне бесполезности предметов,
Чтоб не жалеть потом об этом...
Так не пора ли поспешить?..
Среди неприбранных пространств,
В кругу разбросанного хлама,
Подумать хочется о главном,
Да жизнь критически быстра.
И пустота крадёт часы.
К чему все эти ожидания?..
Безумства, слёзы, оправдания...
Анёвож не прожить без них?
Да, не прожить. Сюда придя,
Нам уготованы соблазны,
Чтоб всякий раз мы были праздны...
А ведь вчера ещё дитя
В коробку складывало смысл,
Переводя в конструктор ЛЕГО...
И вот уже душа — калека,
Как фрукт, что Эрос не догрыз.

Бери метлу, бери совок
И поработай в этом плане,
Чтоб жизни сор был тотчас сплавлен
Куда подальше, за порог;
Чтоб объясниться, между тем,
Из центра выбранного круга —
Зачем бросать с лопаты уголь
В огонь спасающих идей.

ЧТОБ ШУМ ПЕРЕШЁЛ В ПОКОЙ

Я вóт что тебе скажу:
Я слышу голодный шум,
Что напрочь лишён покоя...
Понять бы нам, что такое
Творится среди людей,
Где каждый второй — злодей...
Оно б мы не знали часом,
Что нас навещает счастье,
Не ведали, в войнах ссорясь,
Как мучает душу совесть...
Ан нет — мы об этом знаем...
Так что ж мы опять влезаем
Всё в ту же одёжу, будто
Латаем иглой хомутной
Дырявую нашу страсть?..
Ты хочешь попрыгать всласть
На жалких руинах счастья,
Притворством влеком отчасти?..
В такой полосатой робе
Являть результаты дробы
Толкает нас жизнь сама,
Пока не сошли с ума
Мы в этом круговороте...
И ей всё равно, что против

Течения ты гребёшь,
Вконец разболтав крепёж
Упрямых своих систем...
Всё уже пространство стен...
Ну как тут не сдаться плоти?..
Окутан туманом плотным,
Несмело несёшь огонь,
Чтоб шум перешёл в покой.

I'ART NOUVEAU*

(этюд)

О, не великолепные сады,
Без всякого научного подхода,
Чего уж там, встречайте первый снег,
Что так прямолинеен и настойчив...
А снег — он скульптор: сколь не посади,
Он все деревья обойдёт, холодный,
Готовя слепки... Полно, дровосек,
Искать в сугробах сосны с кроной ночи;

Нешадным колокольным топором
Звенеть и им пугать зверей усталых;
Дай тишине осесть и замереть...
Весной придёшь... Но дерзкое желанье
Твоё потухнет с первым комаром
Под звон ручьёв, что спрятал лёд хрустальный.
Пространен сон. Заката стынет медь.
Плеяды туч — испуганные лани.

Как яблоки, краснеют снегири,

Ссыпая пудру снега на бисквиты
Холмов брусничных, где ещё таится
Бордово-бурых ягод сладкий сок...
И дразнит цвет... Возьми да собери,
Как будто застарелую обиду,
На ожерелье царственной Таисии —
Богини красоты. Как выйдет срок —

Тебе о том поведают ветра...
Прутки, сучки да стволики — штрихи, —
Пойди, увидь — не сразу обнаружишь...
И вот уж сад стал полем... Даже лес —
Почти не лес — обугленный корабль:
Лишь тронь — рассыплется и... Не видать ни зги.
Всё снег, и снег, и снег... Стреляют ружья...
А в той стрельбе бежит кабаный бес.

i'art nouveau* — (с фр. — *новое искусство*)

КОРИДОРЫ КЛИНИК

Проходя коридоры больных пожилых,
Через весь этот свет, что не хуже рентгена,
Принимаешься видеть себя в неживых:
Архаичным, отжившим и второстепенным;
Отстрадавшим отчасти положенный срок,
Хоть ещё впереди непроглядные дали...
А по стенам всё двери друзей-докторов,
Что вчера лишь спустились с высот кафедральных.
Но способны ль они о тебе рассказать,
По страницам учебника пальцем елозя?..
Ты ещё не старик. Голубые глаза
Твоей детской души непритворно серьёзны.
Ты ещё не старик, но грядущая даль
Безусловно свершится — известное дело...
Не сегодня, так завтра настигнет беда,
Притворившись, к примеру, комплектом постельным.
Проходя коридоры слабеющих сил,
Где пинг-понговым шариком скачут болезни,
Ты хотел не стареть, но уже упустил
И уже осознал, что хотеть — бесполезно.
Там ведутся приёмы, там тихи врачи, —
Им известны подходы и сложные шифры,
Чтоб взамен от тебя в кошелёк заточить
Бережущие ум целлюлозные цифры.

Всюду свечи надежды — куда ни пойд^и.
Тяжелы́ избавленья — тела непослушны...
«Если тьма — освети, если смерть — освяти...»
Тихо взмыл к потолку чей-то шарик воздушный.
Нет числа переходам: пути, корпуса,
Разбегаются по полу жёлтые стрелки...
А в руках — направленья..., по правде сказать,
В тёплый мир, где нас лечат горячие грелки.

НЕМНОЖКО О ДУШЕ

Во все концы простёрлось диво —
Непостижимая душа...

Над ней не властвуют извивы
Тревожных будней. Не спеша
Она несёт свою заботу —
Капризный биоматериал,
Чтоб человек, дитя от роду,
Её в пути не потерял.

А как поймёт в процессе оном,
Что он и есть — сама душа,
То сразу станет благосклонным,
На сердце руку положая;
И успокоится красиво,
Без жгучих паник за судьбу...
Во все концы простёрлось диво,
Внушая сущностям табу
На все безумные утехы,
Что любят в нас произрастать...
Но чем покрыть сии прорехи,
Когда до неба не достать?..

Ах это время Кали-юги!..
И тамогунные полки

Уже свирепствуют на юге,
На разум искренне туги...
Ну ничего, в известном царстве
Ещё встречаются друзья,
К любви и совести причастны...
Мне с ними ссориться нельзя.

Во все концы простёрлось диво —
Непостижимая душа...
Неизреченным переливом
Её энергии вершат
Самую жизнь. И тьма густая
Не омрачит мой новый день...
Да будь священна, мира тайна, —
Дух пробудившихся людей!

СИМФОНИЕТТА НОЯБРЯ

Дождь качается на ветках
Удивительного сада,
Разлетаясь в каплях метких
Плавно связанным легато.
Стаи галок — нот восьмушки —
Пианисту-виртуозу
Подчиняются послушно,
Превращая в лакримузу
Бесшабашное аллегро.
Хватит в танцах доупадных
Извиваться пьяным негром
В ритм-н-блюзовых припадках.
Дождь стихает постепенно...
Дирижёр считает такты...
Обнажённые растенья,
Как пюпитры, как абстракты,
Всё влекут к своим побегам,
Всё шуршат зимы на грани...
Погоди, игрою беглой
Мокрых дней не отыграешь...
Птицы-ноты всё кучнее,
Всё сложнее партитура —
Непредвиденным значеньем,
Хитроумною фигурой,

Ускоряющимся смыслом
С клювом, как у пеликана...
Стоп. Устали и повисли
Лапы хвойных великанов.
Дождь осеннего разлива
Любит парково-аллейность,
Чтоб затраченные силы
Перестроить в параллельность,
Став на время нотным станом...
Маясь в звукоизвлечениях,
Потихонечку вступает
Ветерок виолончельный.

ФОРМОНОИД

Стремясь обезопасить свою жизнь,
Выкапывая клубни удовольствий,
Ты — существо ошибочного свойства,
Которому нарушить свой режим
Так боязно, что пальчики дрожат...
Обзванивая клиники свистящим
Голосовым, ты ищешь настоящих...,
Чтоб в мир иной стремглав не убежать.
Костюмчик выглажен, шикарен особняк,
Любовниц — три, супруга... Всё по штату.
А дети — там, в Соединённых Штатах...
Конечно, Гарвард... Следственно — верняк.
Здесь всё твоё: и банк, и гардероб,
И дорогой бильярд, и блеск гостиной,
Семь стеллажей с коллекцией пластинок...
И всё впустую?.. Смерть и красный гроб?..
Нет-нет, не думать!.. Завтра — самолёт...
Развлечься б не мешало... На Майями
Ты будешь обновлён и новоявлен...
И никаких терзающих забот.
Но есть одна заноза в танце сём:
Чем к большему стремимся мы комфорту,
Тем всё неблагозвучнее аккорды —
Душа молчит, но вопиет фасон.

Такого отодрать от благ земных —
Задача не из лёгких, безусловно,
Когда он зрит сквозь дух одеколонный
Зеркальный свой обман со стороны.

...НО Я СКАЖУ СТИХАМИ

Я не поэт, а стихотворец,
И мой удел куда скромней,
Чем базаментный спецрастворец
Для возвеличенных идей.
Чураюсь я льстецов издательств,
Продажных в хлам редакторов...
Чего забыл я там, оставьте...
Я не в формате их умов.
Им подавай блатных, богатых,
Певцов раскрученных в веках...
А я, простите, без мандата
И в оппозиции пока.
Их флюгера всегда по ветру...
А ветер нынче — не туда.
Ах да — «карету мне, карету!...» —
И в даль на долгие года.
Я не поэт, а стихотворец, —
Мне постаменты ни к чему.
Чего хочу?.. Скопить червонец,
Чтоб книжку сделать самому.
А коли сделаю ту книжку,
То, дай-то Бог, добуду ключ
К сердцам читателей, не слишком
Их докучая. Не наскучь

Мне, лира, долгой кантиленой!..
Переходи на звук литавр,
Ища своих по всей Вселенной
И...
далеко не залетай.

В ОБЩЕЙ МАССЕ

Дураки и полудурки,
Как бумажные фигурки,
В ветре носятся, шуршат,
По накатанной спешат...
Вот ещё б не задевали...
Всё лежали б на диване,
Ждали смертного конца,
Как желанного гонца...
Но чего там, задевают,
Мало — просто убивают
Мира лучшие умы,
Их имая, как сомы,
Что хватают ластоногих...
Кто остался от немногих
Жизнь нелёгкую влачить,
Слабых разуму учить?
Единицы. И не сыщешь...
Но зато повсюду тыщщи
Дураков: глаза — стекло,
Дурью ум заволокло...
Быть не хочется уродом,
Чтобы с таким народом
Белу нацию будить,
Светлу голову мутить.

Но приходится — деваться,
Право, некуда... Признаться,
Жизнь — не жизнь без дурака...
Перегружена строка...
Разбурчался нынче что-то
Я на жизнь... Оно охота ль?..
Но эмоций не унять
И... стихи бегут опять.
Завсегда рабы царёвы,
Все как есть пустоголовы, —
Вспоможение ему.
Остальных — сажать в тюрьму.
А с таким холопьем стадом
Напрягать мозги не надо
Возносящимся властям.
Лишь внимали б новостям
Круторогие бараны...
Утекает жизни прана
В унитаэ... Итог таков:
Как же много дураков.

АДАПТЕРЫ ЖИЗНИ

Завоёваны мысли обманной средой.
Сколько можно идти по дороге не той,
Убеждая себя не стонать и терпеть...
Чтоб в конечном итоге насквозь протупеть?
Завоёваны мысли обманной средой.
Ладно, был бы там киногерой молодой
(всё прощается юным по глупости лет),
Но идти пять десятков за ложью вослед —
Непростительно как-то. Иль это не факт?
Или всё мы блукаем впотьмах?.. Буерак —
Состояние наших болезных умов...
Суета-маета. Вывод жизни не нов,
Чтоб в разверстых симфониях сложно играть,
Из семи неизвестных своё выбирать.
Так какой же он, истинный путь?.. Не мудри,
Ламаистский монах, конфетти не сори...
Заметут его боги да кинут в огонь,
Потому как ведь ты никакой не другой.
Хоть и вид у тебя из окна на Кайлас,
Ты, приятель, ничем не отличен от нас.
Суппозиции, домыслы, тьма, твою мать!..
Шифр достаточно сложен, его не взломать.
Завоёваны мысли обманной средой.
Сколько ж нам наслаждаться взмутнённой водой,

Навыдумывав истин?.. Да как же без них...
Пусть в реальности мир по-иному возник,
Пусть никто из живущих не видел её...
Только где-то ведь есть он на свете проём,
Через который едва пробивается луч
Запредельного света заоблачных круч.

ПОРТРЕТ ВОЖДЯ

В задымленном пространстве кабинета,
Средь строгих стен привитых кумачом,
Гуляет вождь, в парадную одетый,
Раскуривая терпкий табачок.
В руке вождя прирученная трубка
Тепло сидит, как горлица в гнезде...
Не кабинет, а паче душегубка...
Идёт война абсурдных двух идей.
Идёт война, а там, под Сталинградом,
Где снег от трупов превратился в яд,
Всё ищут кровь послушные снаряды,
Сквозь брешь огня выказывая ад.
Но фрицы-черти снова не сдаются:
Обледенев, издохнув и ожив,
В снегу по шею тонут и мятутся
У дохлых пушек, спрыгнувших с пружин.
Ещё не сдался царственный фельдмаршал,
С ним генералы цифрой — «двадцать три»...
И... на горячий снег ложатся наши...
И каждый третий — павший на пути...

Ожил портрет. Кавказский профиль. Карта.
Три дня без сна. За шторой чахнет ночь.

Идёт февраль. «Управиться б до марта...
Сомкнуть кольцо и... выпастся... Помочь?..
Но чем помочь?.. Союзники — не в гору...
Опять у них в колоде семь тузов...
На свой народ одна у нас опора...
А там опять по-новому, с азов...»
А человек?.. Не любит человека
Известный вождь, дистанцию блюда...
Грузин на русском троне?.. В кои веки?..
Косноязычен, властен... По складам
Вымучивает фразы, запятые
Выплёвывая... Долгих пауз страх
Невыносим!.. Покаместь холостыми...
А боевыми — позже — мысль быстра...
Прожить войну у карты — эка штука!..
И выйти победителем вприпляс...
«Что думает об этом маршал Жюков?..»
Дела — табак!.. — кончается запас.

ВСЁ ГЛУБЖЕ НОЧЬ, ВСЁ ГУЩЕ ЛЕС

И вот электросамокаты
Стоят воинственно в рядок.
Там долговязые ребята
Пускают с карты скорый ток.
В порыве острых ощущений
Им всё равно — зачем и как...

Усердствуй муторный священник,
Мозги разглаживай под лак.
И без тебя апокалипсис
Гудит свой гул у Божьих врат.
Срослись все доводы без гипса —
Жизнь равносильна слову «ад».
Он здесь, глупец... И школа тоже.
Не загоняй умы в канон.
О Боге ль петь с такою рожей?..
Пе-ре-чи-тай «Декамерон».

А долговязые ребята
Меж пешеходов колесят.
Гудят электросамокаты.

Диодных фар огни горят.
Они летят туда, где пиво,
Подружки с ущербом фигур,
Чтоб в виртуальных перспективах
Любить меж двух клавиатур.

Но с тем мириться не умеют
Благочестивые пажи...
У них на всё свои знаменья, —
Святые силы и мужи...
Путей не ведая в Писаньях,
Пастушьею вицею свистя,
Они по-свински лобызают
Кресты... И это неспроста...

А парни видели и знают
В какой кастрюле поварской
Попы монеты отмывают,
Обет давая шельмовской;
А парни видели и знают,
Хоть не читают букварей,
Что лгут не все на свете знания,
А только те, что от людей...

А крестный ход всегда по кругу...
И плосколицая хоругвь

Опять уткнётся в красный угол
До новых ног и новых рук.

Горят кровавые закаты...
Одной строкою — фонари...
Гудят электросамокаты
Без заключения пари.
Гудеть недолго им осталось —
Закралась ржавчина в прогресс.

И вновь с амвона бредит старость:
Всё глубже ночь, всё гуще лес.

«Безмерно активировались крысы...»

Безмерно активировались крысы,
Сгрызая этот мир под скрип зубов.
Ты хочешь знать моё по эпикризу?..
На это дать ответ я не готов.
Я не готов, я глуп и однотипен...
Но эгоизм толкает на ответ.
В ком правда?.. В ком?.. В аквариумной рыбе,
Что пузыри пуская, вопиет?..
И все как будто что-то понимают...
И каждый прав, и каждый виноват...
Проходят тест, решенья выбирают,
Творят стихи, в три хода ставят мат...
Так почему по новой эта лажа
Кровавым фаршем прёт из-под ножа?..
Ошибся, сдался, выгляжу неважно...
Так на ушах — метровая лапша!..
Не утешай — у крыс стальные зубы;
Им всё равно, какой жевать бликфанг.
Натянут нерв, скелет идёт на убыль,
Как по брусчатке гусеничный танк.
И всё по новой: вздыбленная шёрстка,
Противный писк и... шорох по углам.
Молись, глупец, вычёсывай расчёской

Всегдашних крыс, коль мысль не помогла.

ПРИ ДЕФИЦИТЕ ОСОЗНАНИЯ

На пороге осенних сумерек,
В ожиданье метельных зим,
Люди носят лекарства сумками
С горемычным житьём в связи.
По застольям не пьют за здоровье,
Но с улыбкой — за упокой.
Над проспектом нависли здания...
...и авто в шесть рядов рекой.
Ну на кой мне вся эта музыка
Пережёванных мятных игр?..
У меня в позвонках протрузии,
Часто мучает нервный тик,
Гонартрозом суставы съедены,
Экстрасистолы ритмы рвут...
Двадцать первое, чёрт, столетие —
А разруха и ныне тут.
Кто кивает на участь нации,
Кто на колониальный строй...
Так кому же, простите, сдатьсь нам,
Чтоб гармонь обрела настрой?..
А не сдашься, так враз очутишься
Во темнице могильных стен.
Не желаете ль, сэр, прочувствовать,
Возвеличиваясь во Христе?..

Государство радеет в потугах
Всё за судьбы народа... Да-а-а-а...
Тут ведь как, не посмотришь под ноги —
И башкой об асфальт... Беда.
Тут ведь как, не продашься дьяволу —
Вмиг окажешься за бортом.
И плевать им сколь ты проплавал и...
Кой-то ляд сожалеть о том.
Но, охотясь за жизнелюбием,
Оптимизмом залив глаза,
Очень многим к лицу быть глупыми
С возбуждением любви в трусах.
Ух, деньга создаёт условие,
Чтобы высморкать совесть нах...
Знай, моргают глаза бесовые,
Будто всё ещё при мозгах.

Но, с другой стороны, Создателю
Я обязан за дух и честь...
Разобраться б ещё основательно,
Осознать для чего я здесь.

ПРОЩАЙ, МОЙ СУМЕРЕЧНЫЙ ГОРОД

Прощай, мой сумеречный город
В огнях несмелой суеты...
Полузаснеженные горы —
Окаменелые киты,
Серо-зелёные озёра
В безукоризненном дожде,
Где лодок старые моторы
Так невесомы на воде,
Прощайте... Жизнь грядёт иная,
И смысл восторгов объяснён,
Всё больше не запоминая,
Опасным бейдевиндом в сон.
Прощай, мой двор — дружок негрустный,
Да с переключкой голосов;
Негорький куст рябины вкусной,
Сарайка с надписью — «i love»...
И ты, безногий голубятник,
Протезом целящий в котов...
Прощай и ты, шестидесятник, —
Герой ошанинских стихов...
Ничто не будет вас дороже
В сейчасных днях унылых зим,
В которых смысл немногосложен

С простым походом в магазин.
Но в этих днях небеспричинных
Финальных сцен не распознать:
Уж слишком звёздны величины —
Не долететь, не дошагать.
Прощай, кирпичная квартирка,
Окном — на северный пейзаж...
С дразнящей тайною впритирку
Я оформлял твой антураж.
Теперь я сам оформлен будто
В систему тестов и таблиц...
И не взлететь — две цифры брутто
Неумолимо тянут ниц.
Прощай, мой сумеречный город, —
Хрономираж, иллюзион...

Гостиный зал.
Рояль покорный.
И грустный голос в унисон...

ИСИХАСТ

Стефаний иеромонах
Всё время тут как тут.
Башка его полным полна
Зубастых барракуд.
Национальностью — якут,
По паспорту — еврей,
Он любит, плут, вино и блуд
И страстно нюхать клей.
Стефаний иеромонах
Торчит от литургий:
Его пьянит Господень страх
И старенький псалтирь;
Его приводят в нежный кайф
Седые певуны...
Непросто благо извлекать
Под дудку сатаны.
Таких, как он, в монастырях
Премногое число.
И не пугает их ни прах,
Ни Бог, ни НЛО...
Вопрос — чего ж пасётся тут
Священный этот сброд?..
Мирской закон уж больно лют,
Премного зол народ.

А здесь, средь золота икон
И важных брюхачей,
Их не найдёт мирской закон,
А Бóжий суд — ничей.
И вот с гримасой щегольской,
Трапезничать горазд,
Цветёт в компании мужской
Счастливый «исихаст».

«Не суетись, повергнутый герой...»

Не суетись, повергнутый герой...
Ты ныне пал и... на ноги не встанешь.
Что по себе потомкам ты оставишь?..
Долги, руины?.. Грубою игрой,
Как половик, свернулась жизнь твоя.
Её б на перекладину да выбить...
Вот незадача — поздно делать выбор
Всенепременно в пользу янтаря.
В одержанном фиаско — трубный зов,
Небесный цвет полошащихся стягов...
Как первый вздох, как первых пять шагов,
Как пред пером кипённая бумага.
Теперь уж будет всё, что мы хотим, —
Без ураганных битв и запустений,
В кругу любви, животных и растений,
Лучистых душ и правды во плоти.
Ведь на пути чередующихся эр
Иного состоянья не бывает —
В любой дыре отыщется пример,
Где до поры злодей не оживает.
А ты, видать, хотел иных забав...
Не обессудь. Прощай, герой... Пиф-паф.

ГДЕ МЫ ВЧЕРА УМРЁМ

Слуги инертной силы
С путаницей в мозгах.
Мимика агрессивна
Маслом блестит в глазах.
С кем выходить на разум?..
С кем обсуждать финал?..
Или за всё и сразу,
Или — отвоевал.

Жалко детей со взглядом
Рубенсовских ангелков.
Им бы и знать не надо
Мир этот их каков.
Им бы и знать не надо —
Как и каким враньём
Пишутся книги ада,
Где мы вчера умрём.

Слуги инертной силы
Двигутся в два конца.
Вот оно — устье Нила...
Стоит ли отрицать?..

Без фонарей, в потёмках,
В общем-то, наугад,
Хрупкие, как соломка,
Ноги рабов спешат...
Кто-то уже запнулся,
Кто-то уже не раз...
Где же ты, солнце? Грустно.
Стыдно до слёз из глаз.

Кто там танцует вальсы,
Зёмли кроит, как крот?..
«Вот ознакомьтесь — прайсы...
Вот ознакомьтесь... Вот...»
Жизнь отошла богатым,
Существованье — нам...
Слюни, дымок и маты.
Ночи оконных рам.
Хрен с ним, не камнем ценен
Наш скоротечный путь:
Души меняют цели,
Существованье — суть.

ДВА ВЫВОДА

Понятия просты, но внять им сложно.

вывод первый:

Не удивляйтесь, если на пути
В одном из повторяющихся взглядов
Увидите себя. Немудрено...
Ведь созданы мы все, небезызвестно,
По одному подобию. Умно ль
Нам враждовать друг с другом?..
Что мы делим?..
Зачем пренебрегаем светом истин,
Возносимся с надменностью орла,
Очерчивая глупости границы?..
Хоть что ты нам толкуй, провидец божий...
Хватает нас буквально на минуты,
Пока звучит твоё святое слово.
Но фолиант захлопнут и... — туман...
И мы дезориентированы снова.
Программа сбита? Думаю, что нет.
По ходу дела — жизнь, она такая,
Что не бывает без добра и зла.
Лишь двойственность способна приподнять

Таинственного космоса завесы.

В том ценность жизни, собственно, и есть.

вывод второй:

Теперь осмелюсь о душе сказать:

Раздумывали ль вы когда-нибудь
Над вашим воплощением телесным?..
Откуда вы?.. Когда проснулись в нём,
Себя отождествляя с отраженьем
В обманных зеркалах?.. Как долго ждал
Вас этот миг!.. Не первым, не десятым,
Не миллионным — миллиардным
Вошли вы в эту ткань и стали ей,
Обманиваясь ею повсеместно.
Кем были вы до вашего рожденья?..
Молекулой?.. Частицею мельчайшей?..
Но это были вы́ тогда... И что?..
Бессмертны, получается?.. Занятно.
Но это суть неправда. Всё не так.
Сознание — производное иного,
Что подчиняет тело, создаёт
Разумное... И мозг — его компьютер,
Где ни один рецептор не подаст
Сигнала без участия хозяйки.

Она и есть душа. Она́ хозяйка временного тела,
Куда на скорый срок заточена́.
И ей быть вами. Здесь она блуждает,
Ведь тело соблазняет на измену...
Отдашься телу — обретёшь могилу...

А далее — смотрите вывод первый.

ПИТЕР, НОЧЬ, ПЕРО, БУМАГА

Вполне себе изрядный щёголь,
В плаще-крылатке, трость в руке,
Почти бежит, шагает Гоголь,
Чтоб встретить счастье налегке.
А вокруг него — всё серы зданья,
Что составляют Петербург,
Где просиять помог недавно
Творцу лихой курчавый друг.

Необъяснимы состоянья.
Дрожит в свечах иконостас.
«Какого чёрта?.. На черта мне
Судьба такая?.. Was ist das?..
Какие там ещё морали?..
Кого пытаюсь вразумить?..
Господ, что в яме театральной
Лишь храп умны производить?
И сам я мучаюсь. Не сдюжу
Воображенья — чуток нерв...
Как бриг, что выкинут на сушу,
Гравюры дивной на манер,
Всё жду волну, когда накроет...
Волны всё нет. А бум растёт...

Театр не может без героев...
А драматург — не создаёт».

Молчат задумчивые сферы.
От зяби выгнулись мосты.
Луна преследует Венеру,
Венера путает следы...
Кобылки тащат фаэтоны,
Сбивают шаг, но держат ритм...
Навстречу — дрожки беспардонных
Летят — в них молодость сидит.
Фонарный свет весьма рассеян.
Рассеян ум, нейдёт строка...
Зовут на бал. Не до веселья, —
Во всяком случае пока.
Лукавый ум презрен пред Богом.
Подъезд, ступеньки, дверь, свеча...
Крылатку скидывает Гоголь.
В камине — лёд по кирпичам...
Но вот огонь, пяток поленьев...
Их жар ленив... И где он, жар?..
Душа теплеет постепенно,
Отогревается душа...
Горячий чай. В зелёной чашке
Звенит пугливо серебро.
Глотком — коньячная рюмашка
Для тонкой надобности впрок.
И вдохновение, сна сильнее,

Не отпускает до утра.
Художник пишет всё плотнее,
Всё мелодичней скрип пера...
Спектакль разыгрывают тени...
Свеча красиво оплыла...
Но вот на ум приходят деньги...
Отдать в набор и все дела.

Проглянул свет зари багряной,
Умыл собой тяжёлый взгляд
Не в раз оживших истуканов —
Дворцов и зданий — всех подряд.
Ну как не быть поэту другом,
Что воспекает красоту?..
Но дьявол требует недуга
И не даёт замкнуть черту.

СТИХИ ЧИТАЮТ ВСЛУХ

(var. 2)

Немой театр окаменелых рыб.
Бесшумный дождь. Расплывшиеся знаки.
Клыкастый ропот преданной собаки.
Программный матч. Продажный логотип.
Разрозненная речь панельных стен,
В которой лай сменяет перфоратор,
А крик хабалки — гнусный декламатор,
Что, как всегда, у чёрта на хвосте.
Слова вразброс. Упрямится строка.
Усталость глаз. Наплывы сновидений.
Обрывки мыслей и... Недоумение,
Что том стихов открыт в твоих руках.
Но не проникнуть, ежели не вслух,
Ведь выбор невелик — одно из двух.

Но вот гармонизируется мир,
Крепчает голос... Пламенный оратор,
Ты прожигаешь яркою тирадой...
Звучащих жаждет клавишей клавир!..
Встают картины, движется панно...

И кажется, заглядывает в душу,
Как будто солнце майское в окно,
Простецкий Бог, что так умеет слушать.
Пугливым бесом сваливает мрак...
Ему вдогон летят, как стрелы, звуки...
Поёт душа, измучена в разлуке,
К словам звучащим истинно добра!

РАДОСТЬ

Радости много на свете, да грустно...
Радость всё больше с чумарным лицом.
Что за причина?.. Ну «баксы», допустим...
Бьёт-отбивает чечётку танцор.
Выйду со стулом на Невский, чего там,
Против течения часок посидеть...
Где она, радость?.. Не сбиться б со счёту...
Служба, карьера и... правильно — смерть.
Вот иностранец — само небрежение,
Вот инженер — в бороде карандаш...
— Я и не делаю вам одолженья...
Я хоть и клоун, но всё-таки ваш...
Справа гудит неминуемый транспорт,
Слева — стеной девятнадцатый век...
— Вам, уважаемый, только б подраться...
— Мы, говоришь, как один человек?..
— Ну-ка с дороги!..
Свалиться со стула
Проще простого — толкнут и капец.
Брызжет слюной старикашка сутулый,
Шариком теннисным целит малец;
Дамы безгласно обходят сторонкой,
Бабка стоит, набирает ноль-два...
Как прекратить эту адскую гонку?..

Грузным вольяжем проходит братва...
Кто-то в карман мне кидает монеты,
Кто-то пытается снять на айфон...
Где она, радость? А радости нету...
Есть только шум, только рёв, только звон.
Всё повторяется, все повторяют...
Как у поэта — «милльон по рублю»...
Чувство такое, как будто не знают
Люди, не люди... Покамест терплю...
Чую, утянет меня эта масса,
Или затопчет — гадай не гадай...
Вот и полиция...
— Здрасьте...
— Напрасно...
Кто вы, откуда, зачем и куда?..
Радости много на свете, да грустно.
Грустно от пошлых светящихся фраз:
Планов на лето, безвкуснейших вкусов,
Бзы и лорнетов для кукольных глаз.
В кастингах, топах, рекламных улыбках
Тащится радость, как взбитый омлет.
«Блюда, круизы... — любые на выбор!...»
Вот она, радость... А радости нет.
Смотрит старик в угловое окошко:
Жёлтая маска, лицо не лицо...
Уж не к нему ли спешит неотложка?..
Бьёт-отбивает чечётку танцор.

...И КРОШКИ СО СТОЛА

И вот танцуют ветреные девы.
От потных босых тел исходит пар.
Но мне нет дел до них... Какое дело,
Когда есть Годунов и Петипа?..
Когда душа от пошлого кривлянья
Бежит сквозь ночь в волшебном фуэте...
Скребите крошки, формы обезьяны,
Контрорцируясь в пошленьком 3D.
Итак сойдёт — для вас вполне хватает
Любых потяг, чтоб капало в кошель.
Ужель, когда Улановых не станет,
Мы только вас найдём в своей душе?..
Культура масс — пошлейшая зараза...
И чем нас больше, тем она пошлей...
Творя, ориентируйтесь на разум,
И, Бог свидетель, — будете целей!..
Но вы несправедливы, злы и строги...
А гранд-батман Плисецкой не достать...
Бегут-бегут пуантовые ноги...
И небо звёзд, и что-то, что... Опять
Гудит танцпол!.. И ветреные девы,
Презрев, как есть, кордебалетный штамм,
В порыве страсти стонут и потеют,
Филейной частью лезут к господам.

ПРОЩАЮ

Я прощаю ездуньям отсутствие опыта,
Гуголгласы-жуки, что живут на рулях,
Плети рук, что в локтях неестественно согнуты,
Патлы сизых волос, каблуки эти, бля,
Что в резиновых ковриках дырки проделали,
Глуповатые взгляды черешневых глаз,
Провонявшие насквозь парфюмом сидения,
Цвет авто, что подходит под кайстры как раз;
Откровенные бёдра с приметами шалости,
Непонятных манёвров невинную блажь,
Непослушные губы, плюс взгляды без жалости
И кричащий от страха при въезде гараж.
Я прощаю им многое... Господи, господи!..
Я прощаю им всё, хоть их нету грешней, —
За одну только бабу с фигурой неброскою,
Что летит по степи на кауrom коне.

СПУСКАЙСЯ, СЛЫШИШЬ...

Скупа на ласковое слово,
Удачи ходит по пятам,
Вполне банальная особа —
Высокосветская мадам.
Хватая вилкой этикету,
Любя поездки за рубеж...

Но стих мой будет не об этом —
Надменный взор, — гордыни брешь.
Надменность, мерзкая надменность!..
Сие откуда и зачем?
Умá никак осведомленность?..
Так нет его, считай, совсем...
Слова скупы, речишки косны,
И всё в засморканный платок.
Зато надменность, одиозность,
Зубов фарфоровых роток...
Да кто ж такая?.. Может статься,
Очередной комплект белья?..
Ну как за баксы не отдаться,
Когда избранник из воря?..
Когда браслеты и кулоны
Так умножают красоту...

Какие тыщщи?.. Миллионы!..
Копейки нынче не в ходу.
Но вот оказия такая —
Грешно под ноги не смотреть:
Подставит кто подножку скраю —
И дама может загреметь.
И в визглом голосе щенячьем,
Вонзая в воздух коготки,
Мадам мгновенно станет зрячей.
Не беспокойте, пауки.
Но час не пробит. Грозен голос.
Сомкнуты брови в «дабл ю».
Уймись, мадам... Не гни подковы...
Спускайся, слышишь, мать твою...

DISCOVERY

Я мир открыл — а он совсем другой.
Но времени уж нет на исчисленья.
Читаю Канта... Логика суждений...
А мир — другой. Но кто, кто я такой,
Чтоб знать о том?.. Не много ль у меня
Претензий к запредельности манящей,
Когда, плодя ошибки в настоящем,
Я без пяти минут как перегной.
Совсем немного дано мне разуместь,
И то сквозь оптику изрядных искривлений.
Не надо, слушайте, внушать, что Моцарт гений —
Он просто многое способен был уметь,
И... не открыл. Дверь заперта. Но где ключи?..
О сколько творчества стучится в эти двери!..
И всяк художник пишет в собственной манере.
Не достучаться. Тишина. Эфир молчит.
Не знаем мы того, кто дышит выше звёзд:
Одна лишь мистика, алхимия и карты.
Свершилась тыщца гомеозисов, пока ты,
К примеру, брился, в размышлениях зарос.
А сколько бездарей, невежд и вахлаков,
Что просто кормятся, как стадо на лужайке?..
И это люди?.. Но и их бывает жалко,
Когда безмолвствуют пред взорами богов.

Я мир открыл, ты мир открыл, он мир открыл...
Всё математика, когда порыв бескрыл.

ТЫ

Мерзавец Эд, ты жутко ошибался,
Бомбя Лаос с пунцовых облаков.
Кто виноват, скажи, что ты остался
Как литератор — в стопке брехунов;
Что лётчик слаб до женского обмана
И глуп пред ней, которая одна?..
И, чёрт возьми, продавшийся за money,
Ты бредил смертью — сущий сатана.
Ты говорил: «Виной тому — планида...»
...и ясным днём, что был во всём хорош,
Твой самолёт подвёл тебя — был сбит, и
В клубах огня ты сгинул не за грош.
Дымилась кровь на сплюсненном металле,
Звенели в скалах гайки и болты...
И был — сентябрь, с восходом запоздалым...
Ты ошибался, Эд... Не Бог, а ты.

Я НИКОМУ НЕ ДОЛЖЕН

Отстаньте, вы!.. Я никому не должен!..
Мой постулат — живя, не навреди.
Не надо мне вгонять обман под кожу,
Внушать свои обманные пути,
Чтоб всепогодной следуя законам
Не покидать границы ваших догм,
При этом быть покорнейшим придворным,
Не запустившим зубы в поводок.
Я никому не должен! И хозяев
Нет надо мной! Я вам — не крепостной!
И не звоните мне — мой номер занят,
Без посторонних, просто сам собой!
Но всюду знаки, всюду ваши силы!..
Здесь — «не кричать», а тут — «не говорить»...
Да, не забыть сказать потом спасибо
За то, что власти мне мешают жить....
Но нет, не выйдет... Что же, остаётся
Хотеть того, что хочет режиссёр.
Я должен, должен... Это как придётся...
Я на чужие доводы не скор.
Явился жить, и тем уже я должен,
Чтоб устоять на правильном пути...
Но для кого он правильный?.. А может,
Ни для кого?..

Так дайте же пройти...

...И ДОЖДИК ЗА ОКНОМ

Вот дом поэта — скромный, неэлитный...
Скрипит петлёй приветливо калитка...
Мы входим в дом, но никого в нём нет.
Сосед по даче, художав и сед,
Глядит с дороги, машет нам, сигналит...
Кричит чего-то там: «А вы не знали?..»
По окнам — сад, заметно опустел,
Грустит в плену незавершённых дел.

Поэт ушёл...
Сравнительно недавно.
Ещё звучат стихи на три октавы
В проникновенном авторском прочтенье...
Да некому оказывать почтенье.
Ну разве что стенам, не без утайки,
Где прошлых лет духовные останки
Воссоздают утраченную связь,
На книжных полках в чаяньях томясь.
Поэт ушёл — как покурить... Да просто...
Сейчас вернётся, улыбнётся, спросит:
«Зачем вы здесь толпитесь?.. Что за шум?..
Прошу мне не мешать. Вот допишу —
Тогда и погитарим обо всём».

Но... тишина и...
дождик за окном.

ЗАМОК

Стеной крепостной обнесён он и замкнут,
Стоит на скале восхитительный замок:
Готический стиль, узколобые башни...
Как будто бы рыцарь из смерти восставший.
В неясных зорях, в краях Унденбурга,
Нет камня прочней, чем броня «демиурга».
Сойдёт он с престола и, горы раздвинув,
С самим сатаною начнёт поединок.
Он всё переможет, он яростен в схватке!..
Такого осиль положить на лопатки!..
Он столько столетий смог выстоять, воин,
Что сам уже стал неприступной скалою.
Не окрики ль птичьи, почившие души,
Из замка пытаются выйти наружу,
Из жути патерны и льда каземата?..
Но прошлая жизнь не имеет возврата.
И снова и снова — не ветры, так ливни
Стремятся разрушить его терпеливо;
Всё точат и точат замшелые камни...
А камни в бессмертии стали веками...

Поэт, восхитись, возвеличь эти стены,
Что жадны до слова в краях вдохновенных!

РЫБАК ЭРНЕСТО

Кипит волна под яростным норд-вестом,
Гудят в надрыв тугие паруса...
Не сбить с пути бесстрашного Эрнесто!
Смелей «Пилар»* в волну свой нос врежай!..
Вослед ему гигантским табуроном*
Летит удача, хлещет по волнам,
Познав обман упругого капрона,
Горячих трёх крючков и гарпуна.
Удар, рывок и... шхуна от натуги
Пошла скрипеть и ныть о все борта...
«А, чёрт возьми!!!.. Не можем друг без друга?!..», —
Хрипит седобородый капитан.
И, выбирая леску, крутит, крутит
Линейный барабан, от соли бел...
«А если это, скажем, — todo mundo*
У captain* на крючке?.. Видать, успел
С зубастою...» И шхуна терпеливо
Скрипит лебёдкой, пущен в ход багор...
А на подъём — пятьсот кегэ марлина...
«Ты опоздал, уймись, эмперадор*!»
Кипит волна под яростным норд-вестом.
Акулы спины ищут хитреца —
Великого романтика Эрнесто,
Бесстрашного, искусного ловца.

«Пилар»: назв. ихуны.*

Табурон: вид акулы*

Todo mundo: (с исп. — весь мир)*

Эмперадор: вид акулы*

Captain: (с англ. — капитан)*

КРОЛИКОВОДСТВО

Прикормленные бездарности
Забили собой все щели.
С портретами Чарльза Дарвина
Идут воспевать Кощея.
В прибрежном планктоне офисном,
Своё отбывая время,
Неразвитые гипофизы
Просвечиваются апрелем.
Мечтою американскую
Отравленные с пелёнок,
Они в сновиденьях — гангстеры,
Рокфеллеры, Корлионе...
Они — воплощенье сытости,
Они — замещение духа...
Взять крест и сказать... — «Изыдите!..»
Ужели нужда-разруха
Не застит их очи ясные,
Не капает на сознание?..
Любовь в дефиците разума
Имеет свои очертанья.
И все, безусловно, хипстеры
С Пелевиным под подушкой;
Чихающие на Ибсена,
Сморкающие на Пушкина...

В курилках — дымы-сенсации
Да пост-модернистский ЛЕГО...
Не люди, а иллюстрации
Разросшиеся до мега...
Высокими идеалами
Закрыв себя с головою,
Как будто под одеялами
Премногим они довольны...
За нужную хрень распишутся,
Поддержат нужного хрена...
А сколько средь них обездвиженных,
Похожих, пустых и бранных...
Полки кабинетной армии
Опять перешли границу:
Летят отдыхать в Анталии,
Бронируют рейсы в Ницы...
Им тошно клевать клубнику
На грядках родного отечества,
Где как-то совсем уж дико
От перебродившей нечисти.
Подобно шару бильярдному
Им в радость вбиваться в лузы...
В царёвых руках быть картами,
Господ отвечая вкусам...
Прикормленные бездарности —
Сплошное кролиководство...
Жаль, нет на них дядьки Сталина
Да всяких там разных Троцких...
А впрочем, к чему эпитеты

И столько перечислений?..

Печать. Телеграмма. Литеры

Умеренного значенья...

Да разве планктон повычистишь —

Чиновничий менедж в топе.

Всё дело в нейтральном климате.

А если серьёзно — в жопе.

БЕЛЫЕ ПИСЬМА

А за окном лишь вѣтра свист надсадный
И... псевдофантастическая тьма.
Таков пессимистический осадок
До вечной правды жадного ума.
Уж стрелки на часах кружить устали,
И сам я постарел, чего скрывать...
К стыду сказать, мы снова опоздали
Открыть букварь и главное понять.
И что нам, дурням, войны мировые,
Раз память неустойчива на боль?..
Как пуля, что попав, прошла навывлет,
К сознанию не чувствительная столь.
Такой ли я один в своём бредовом?..
Конечно, нет. И каждый в сотый раз
Даёт зарок... Но снова всё по новой —
Вулкан разбалансированных масс.
И вот он сын зимы — декабрь промёрзлый...
А что в грядущем? Непроглядь в полях?..
Пишите письма белые на воздух
И запекайте тайны на углях.

БЕССМЕРТНАЯ СОВЕСТЬ

А совесть больную таблеткою хрен успокоишь —
Обидное слово любую броню разъедает.
От стройного стебля остался несчастный отколыш,
Всего лишь отколыш и горькая доля сознания.
Любой из разумных на этой планете нередко
Жонглирует словом, что может в секунду взорваться...
Сидит на скамейке и плачет старушка-соседка —
Сынок из тюрьмы вернулся и... сразу же — в карцер;
Он все гробовые, что бедная старость копила,
Спустил на кабак, пару финок и... Дело такое...
Какая там совесть, раз мозги сошли до опилок?..
«А х... тут думать — спасайтесь, братишка на воле!...»
А совесть больную таблеткою хрен успокоишь —
Сто раз оживёт и, конечно, расставит акценты...
Доколе ты будешь нас мучить?.. Скажи нам, доколе
Мы будем уландать сродни сумасшедшим клиентам?..
Но есть и такие, в ком совесть, подобно урюку,
Засохла вконец, и спасать — бесполезное дело...
Какой же методой так можно её убаюкать?..
А выпинать просто, как мячик футбольный, из тела.
Но время проходит — и новая ткань оживает,
Так делится клетка, так знает судьба об истоках...
Не лучше ли, друг, изменить, передумать желанья,
Пока твоё робкое сердце не сгрызла жестокость?

ЕЛЬ

(сон)

И был мне сон, в котором я едва ли
Мог понимать, что я в нём не живу.
Я брёл куда-то длинными складами...
Навстречу мне, как будто наяву, —
Рабочий люд и... все, как есть, при деле, —
От продавцов до грузчиков... И я
Не мог понять — чего они хотели,
Ради чего вся эта толкотня...
«Чтоб выжить...», — кто-то мне сказал на ухо.
Но разве можно выжить мертвецам,
Что с малых лет, презрев бессмертье духа,
Не видят неизбежного конца?
Они слепы, им кажется иное...
И, силясь не измаяться во тьме,
Гвоздят себе ковчег потомки Ноя,
По шею в прибывающей воде.
Я шёл сквозь них, пространный наблюдатель,
И как-то незаметно для себя
Попал в метро... Но и в метро был, кстати,
Тожественный молебен по гробам.
Потом я шёл неровной снежной тропкой...

По праву руку плыл железный путь...
Перрон, подгауз, рыхлые сугробы,
И серый цвет, каких не пролистнуть.
И, словно отстраняя мир пропащий,
В престранной стороне от будних дней
Стояла ель, причудливый образчик,
И не было той ели зеленей.

В ОДНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ

И вот он город с кодом на дверях:
Ряды надменных царственных фасадов,
Рассыпанные кубики детсадов
И мраморные боги на ветрах.
Мне только жить, а я уже плетусь
С авоськой толстых книг библиотечных.
Прославиться б гулякою беспечным,
Стихи свои читая наизусть...
Но памятью не крепок я своей.
Не спи, бармен, и... водочки налей.

Намокшей пензою вдоль тянутся дома.
Век восемнадцатый. Несвойственные моды.
Заморской ветошью набитые комоды.
В свечном дрожании раскрытые тома.
И я всё думаю: а может быть, на бал
Сорваться мне и там, в любезном свете,
Раскручивать по залам дам и ветер?..
Каков запал!.. — зажёгся и пропал.
Отдаться б вольнодумию... Но здесь —
Сенатская, где выбивают спесь.

Неделями слагаю дневники,
Пред Рубенсом каракули рисуя...
И солнечными зайчиками с улиц
Бросают мне в окно озорники
Своё внимание. Может быть, и мне
Найти винил и, водрузив колонки,
Хард-роком надавить на перепонки
Людей проспекта с выходом к Неве?..
Ужель проймёт, опомнятся?.. А вдруг
Упрётся в постамент кривой каблук?..

Но не услышат — слишком шумен час:
И гвалт, и рёв, и штрих-пунктир сигналок...
Смыкаю шторы. Близится к финалу
Развязка жизни одуревших масс.
Прощайте мыслей потуги... совсем,
Прощайте лютни, Гёте и Вольтеры,
Сиянье сфер, служения, манеры...
Спускаюсь в кафе — борща от горя съем.
А чем запить?.. Пожалуй, алкоголем.
...и метким кием целить в карамболе.

СКВОЗНЯКИ

Не отупляй сознание вещиизмом,
Приоткрывая Небо по чуть-чуть;
Не пропускай безжалостные числа,
Включая дату, что венчает путь.
Не знай, но веруй — вера окрыляет...
А знание — так, системный блок ума...
Зачем сервильно-выспренней морали
Такой субъект, как господин Дюма?..
Не оглуляйся пряными плодами
Шкатулок дамских, сейфов и ларцов...
Ужель и вправду опыт твой недавний
Не научил тебя, в конце концов?
А календарь не терпит исправлений, —
В нём ровный строй и чёткий метроном...
Буди себя, выталкивай из лени,
Из гравитационных масс слонов!
Но каждый день истоптанным маршрутом,
Боясь свернуть в какой-нибудь тупик,
Плетёшься ты походкою могутной
К допрыгавшейся в жмотстве даме пик.
И там, закрывшись в толщах кабинета,
Усевшись за рулетку, всякий раз
Бульдозерным ковшом гребёшь монету,
Елозя ягодицами в припляс...

И что тебе, игрок, мои внушенья,
Мои предупрежденья и плевки,
Когда ты выбрал страсть умалишенных,
Что заплывать так любят за буйки!..
Тебе скажу: однажды, несомненно,
Узнаешь ты, что близится финал...
Но кто придёт уставшему на смену
И скажет — «извини, ты проиграл»?..

ОХОТНИК ПАУЛЬ

Посмотри, в каком запале
Бьёт косуль охотник Пауль!..
«Бах-бах-бах» — из-под куста...
— Сколько, Пауль?..
— Больше ста!..

Перья в шляпе — знак задора.
Разбегайтесь по норам,
Звери девственных лесов,
Как рожка раздастся зов!..
До сих пор не наказуем?!..
Поквитаться за косулю
Вепри страшные спешат,
Возле Пауля кружат.
Но да Пауль не из робких —
Метко бьёт и с пятой стопки...
Уж на дерево залез...
Расшумелся старый лес...
Размахался, раскрипелся
Да и скинул наземь перца...
— Покрутись теперь, балбес!..
Без ружья ты, что ли?..
— Без, —

Отвечает лесу Пауль. —
Всё пропало!.. Всё пропало!..
— Где ружьё-то?..
— На сучке...
— Как, у смерти на крючке
Хорошо тебе болтаться?..
Не судьба в живых остаться...
Вмиг медведь тебя, лопух,
Разбросает словно пух!..

Пауль кинулся бежать,
Звери — следом, догонять...
Сердце — вон и дух вдогонку...
Знамо рвётся там, где тонко.
Лось не будет отрицать,
Что копытом беглеца
Подзадел... И вепрь тоже
Дал ему под зад, похоже...
И медведь добавил пять...
— А припрёшься к нам опять,
Так и знай — найдёшь могилу!..
— Что же, что же... Очень мило, —
Брызжет слюньками бегун,
Дав по лесу драпаку.

Всякий раз, столкнувшись с зверем,
Коль взялся себя проверить,

Вспомни Пауля, стрелок,
И какой был дан урок.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Мануфаил идёт с работы.
На новом месте — первый день.
Грызней трудящихся измотан
И бзой назойливых идей.
Его дразнили, им играли,
Шутила пошло секретарь...
«Да-а-а-а..., коллективчик аморальный...
С такими справишься едва ль...»
Чиновник мелкого значенья,
Мануфаил идёт домой.
Проспектом прёт его течение
Всё по булыжной мостовой.
Он запинается ритмично,
Барсетка бьётся о бедро...
Портрет вполне архитипичный...
Но глазки зыркают хитро.
Прыг-скок, прыг-скок... Упал и в луже
Сидит, как пьяный воробей.
А мама ждёт его на ужин...
Мануфаил, вставай скорей!..
Вскочив в трамвай «десятый номер»,
Всё по неловкости своей,
Случайно смял, не сразу понял,
Он чью-то кипу новостей.

Недолго ждал чиновник в шляпе
С еврейским признаком лица, —
Возникли две медвежьи лапы
И приструнили наглеца.
И через девять остановок,
С одним барсетным ремешком,
Он сходит странный и неновый,
Замызган, сер — мешок мешком.
Придя домой, увидев маму,
Мануфаил струит слезу...
— Какой кошмар!.. И сразу драма?..
Сейчас я веник принесу, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.